

АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ

Публикуя приведенные в этом разделе материалы, мы выполняем завещание А.Я. Гуревича. Арон Яковлевич глубоко интересовался историей отечественной исторической науки и стремился сказать правду о прошлом в своей автобиографии и статьях. Его «История историка» – живое свидетельство той драмы людей и идей, которая происходила в советской исторической науке на протяжении десятилетий. А.Я. Гуревич очень опасался, что прошлое может актуализироваться, что могут вернуться «подлые времена». Чтобы этого не произошло, нужно знать нашу историю.

А.Н. Горяинов

О ПУБЛИКУЕМОЙ РУКОПИСИ И ЕЕ СУДЬБЕ

Бурные события ушедшего века должны были бы, кажется, научить нас сохранению исторической памяти, запечатленной в документах эпохи, а развитие техники, сделавшее возможным воспроизведение свидетельств о прошлом во многих экземплярах, – способствовать такому сохранению. Но на деле все не так: рукописи и сознательно уничтожаются, и утрачиваются по небрежности или в результате разного рода катаклизмов, и бесследно исчезают, и неожиданно возвращаются из небытия. У каждой из них своя судьба, иногда трагическая, иногда благополучная, но всегда своеобразная, особая, неповторимая.

Не отличается в этом смысле от других и публикуемая ныне стенограмма. Она представляет собой экземпляр машинописного текста на 198 страницах с авторской правкой. Правка, впрочем, сделана лишь некоторыми из выступивших ученых (М.А. Алпатовым, А.И. Неусыхиным, В.В. Стоклицкой-Терешкович), да и то неполная – не восстановлены опущенные при стенографировании цитаты, не исправлены вкравшиеся в текст ошибки. Исключением являются доклад и заключительное слово Н.А. Сидоровой. Некоторые страницы доклада напечатаны на обратной стороне вынутых из стенограммы листов, замененных новыми несколько меньшего формата. Сравнение текстов показывает, что запись доклада тщательно ре-

дактировалась, о том же свидетельствует правка чернилами в окончательном тексте.

Предваряет стенограмму листок с надписью красным карандашом: «№ 2. О космополитизме». Первая страница стенограммы целиком занята названием, датой заседания, обозначением повестки дня и оглавлением. На правом верхнем поле машинописная помета: «2-й экз.». На второй странице помещено дополнительное заглавие «Стенограмма заседания сектора истории средних веков» и начинается текст вступительного слова Е.А. Косминского. В отличие от заглавия на первой странице, оно значительно короче: в нем опущено обозначение заседания как совместного с кафедрой истории Средних веков МГУ. По всей вероятности, первоначально заседание предполагалось числить только по «академическому ведомству», но впоследствии его статус (конечно, с согласия партийных органов) был повышен.

На полях документа имеются три пометы – две карандашом и одна синими чернилами. Судя по почерку, они сделаны моим старшим коллегой и другом Анатолием Евсеевичем Москаленко (1909–1984). Карандашные надписи на страницах 139 и 151 расшифровывают фамилию, не разобранный стенографисткой и обозначенную буквой Г с последующим многоточием. Москаленко отождествляет этого анонимного историка, упомянутого и в выступлении А.И. Неусыхина, с трагически погибшим 11 ноября 1945 г. (возможно, не без «помощи» органов НКВД) известным медиевистом Н.П. Грацианским, учеником которого был Анатолий Евсеевич*. Другая его помета чернилами сделана рядом с тем местом в выступлении блестящего специалиста по средневековой истории Англии В.М. Лавровского, где он пытается возразить на обвинение Н.А. Сидоровой в игнорировании им якобы имевшей место «борьбы Савина с Марксом». «Не боролся Савин с Марксом! Это было совсем другое...» – резонно замечает Москаленко.

О судьбе стенограммы мне рассказывал незабвенный Анатолий Евсеевич. Будучи медиевистом и славистом по специальности, он был по призванию историком науки. Ученый как бы жил внутри «исторического цеха», постоянно общаясь с коллегами и очень эмоционально, а зачастую и пристрастно воспринимая происходившие в нем события. При этом он был страстным любителем книг и рукописей, собирал материалы о медиевистах и славистах, переписывался со многими историками и филологами.

* См.: Москаленко А.Е. Н.П. Грацианский как историк-славист // Советское славяноведение. М., 1972. № 1. С. 66–75; Он же. Николай Павлович Грацианский (1886–1945) // Средние века. М., 1976. Вып. 40. С. 274–283.

Случилось так, что однажды (это было, судя по почерку помет Анатолия Евсеевича на стенограмме, еще в 50-е годы, когда он работал в Воронежском университете) А.Е. Москаленко зашел на кафедру истории Средних веков МГУ, где в это время наводили порядок и, в частности, выбрасывали ненужные бумаги. Москаленко не в силах был пройти мимо. Он стал копаться в «макулатуре» и выудил оттуда стенограмму, а также еще несколько документов. Профессор Воронежского университета Н.П. Мананчикова рассказывала, что Анатолий Евсеевич не просто долгие годы хранил стенограмму. Он читал отрывки из нее своим ученикам и очень эмоционально комментировал прочитанное. В этих комментариях он стремился показать слушателям – молодым ученым – аморальность общества, где возможны такие обсуждения. А.Е. Москаленко возмущался атмосферой, в которой стало возможным проведение заседания, выражал сочувствие А.И. Неусыхину и, понимая причины позиции А.Е. Косминского, сожалел о его высказываниях.

В последние годы жизни А.Е. Москаленко жил в Москве и преподавал на кафедре истории южных и западных славян МГУ. После кончины ученого в 1984 г. я, по просьбе его сына и выполняя волю покойного, передал основную часть личного архива Анатолия Евсеевича в архив Московского государственного университета. Дальнейшая судьба архива Москаленко мне не известна.

Стенограмму и еще несколько документов из архива Анатолия Евсеевича спас случай: упаковывая материалы для перевозки, я решил временно оставить их у себя. Некоторые документы были нужны мне для работы, а две-три папки, среди них и папку со стенограммой, я в те годы – речь идет о начале 1980-х годов – не решался доверить ведомственному хранилищу, считая, что там скорее всего ее ждет самая печальная участь.

Стенограмма больше двадцати лет хранилась в моем личном архиве. Неоднократно возникали планы ее публикации, но этому препятствовали различные обстоятельства. Я признателен А.Я. Гуревичу и другим медиевистам из редакции альманаха «Одиссей», выразившим желание опубликовать этот документ.